

В. АНТОШКИН

СОКОЛ ЯШКА

В. АНТОШКИН

СОКОЛ ЯШКА

Рассказы

Издательство ЦИ ЛНСМ Узбекистана
«Еш гварднл»
Ташкент — 1980

ЕХИЛОН

Уже чувствовалось близкое дыхание зимы. Лёгкий туман застилал низины и растворялся только к полудню под косыми лучами нежаркого осеннего солнца. Цепочки журавлей тянулись к югу, в вышине слышались их печальные клики. Стаи скворцов выписывали замысловатые фигуры: то ввинчивались спирально вверх, то рассыпались у самой земли. Жёлтые листья как бы нехотя отрывались от своих веток и медленно падали, образуя лёгкий шуршащий ковер под ногами. Налетевший порыв ветра поднимал их и они, кружась, танцевали свой прощальный танец.

В один из таких дней я возвращался со станции домой. Тропинка, извиваясь, вела сквозь густые заросли алычи. То и дело приходилось руками раздвигать ветки, осыпая бурюю листву. Вдруг впереди я услышал странное тьяканье, отдалённо похожее на лай собаки. «Лиса!» — мелькнула догадка. Я стал продвигаться осторожнее. И действительно, шагах в десяти, на открытой поляне возле ручья стояла лиса, а перед ней лежал, свернувшись в клубочек, ёжик. Лиса припадала на передние лапы, пытаясь носом столкнуть ежа в воду, но, коснувшись острых иголок, отскакивала и злилась ещё больше. Потявкая, она опять набросилась на беднягу, и на этот раз серый клубочек покатился в воду. Я свистнул и, раздвинув заросли, шагнул на поляну. Лиса на мгновение присела, а затем стрелой метнулась в кусты. Ёжик, быстро работая лапками, уже приближался к противоположному бе-

регу. После вынужденного купания он отряхнулся и, спрятавшись в свои колючки, сердито запыхтел. Когда я дотронулся до него, он запыхтел ещё сильнее, выпадая в мою сторону колючками. Откуда ему было знать, что я его спаситель?.. Теперь я понял, почему на лесных тропках встречались ежиные шкурки. Лиса обычно сбрасывает ежа в воду и, когда он вынужденно расправит иглы, хватая жертву за мягкое незащищенное брюшко. Но на этот раз хищница осталась без вкусной ежатины на обед... Обернув в лопух, я привёс ежа домой.

Дали мы ему кличку Ехилок. Нужно было срочно разузнать, чем питаются ежи, какой ведут образ жизни. Принялся за книги и узнал немало удивительного об этом колючем индивидуалисте. Оказалось, к примеру, что ежи очень стойки к различным ядам, это и позволяет им на равных бороться со змеями. Постоянная капелька под носом — это, оказывается, не признак хронического насморка, а специальная желёзка, она обеспечивает ежам великолепнейшее обоняние, которому может позавидовать любая охотничья собака. Зато по зрению Ехилку можно было смело поставить двойку. Когда я звал его, то, прежде чем подойти ко мне, он непременно наталкивался на стул или шкаф. Но это и понятно, ведь ежи ведут, в основном, ночной образ жизни. Зато они прекрасно ориентируются по запаху. Бывали случаи, когда ежей увозили за несколько километров, и они находили дорогу домой. Вот как интересен этот маленький колю-

чий комочек! Разобрался я и с его рационом. Ехилок, кроме супа, хлеба и молока, очень любил сырое мясо.

...В эту ночь Ехилок никому не дал спать. Как только в доме погасили свет, он принялся за устройство своего жилья. То и дело шуршала бумага и слышался дробный стук ежиных лапок. Так и прошла вся ночь его кипучей деятельности и нашей бессонницы. А наутро Ехилок исчез. Нашёл его только наш пёс Каштан. Он вдруг принялся таскать из старого валенка кучки ваты, обрывки газеты, хлебные корки, кусок пирога, на кого-то недовольно рыча. Оказалось, Ехилок устроился в старом валенке и сделал себе запас продуктов. Вытащили его из «спальни» с большим трудом, еще труднее было его разбудить. С этого времени за Ехилком был

установлен надзор и днём ему спать старались не давать. Вскоре Ехилок начал привыкать к нашему, человеческому, распорядку. Ночью бегал меньше, больше спал, зато днём деятельности его не было предела. Много времени занимало у него благоустройство новой «квартиры». В выделенный ему ящик Ехилок таскал вату, куски войлока и сделал себе в конце концов мягкую и удобную постель. Ехилок вообще оказался большим чистюлей. Если ему долго не меняли песок в уголке, то ходил возле коробочки, возмущенно пыхтя и стуча лапами.

Однажды принесли Ехилку двух больших коричневых жуков. Он без долгих раздумий кинулся на одного, но не тут-то было. Ещё атака, и опять то же самое. Своим маленьким ртом ёжик никак не мог ухватить жука за жесткий панцирь, а тот больно щипался клешнями. Это показалось Ехилку очень обидным и он настойчиво продолжал свои атаки. Наконец ему удалось схватить жука, и через несколько секунд от жука остались только жесткие крылышки. Но со вторым жуком Ехилок не стал связываться...

Ехилок очень любил купания. Поливая теплой водой, я намыливал ему брюшко мылом. Мордочка у ежа становилась блаженной, бусинки чёрных глаз светились, пятачок его носа двигался и казалось, что ёжик вот-вот захрюкает от удовольствия. После купания его обтирали и сажали в теплую духовку. Сначала его укладывали в глубине. Но по мере того, как духовка нагревалась, он подвигался к краю и разваливался на боку так, что светлый пушок на брюшке был наружу.

Так обосновался в нашей квартире новый жилец — ёжик Ехилок.

ДИКАЯ УТКА

Из пяти яиц дикой серой утки вывелись только два утёнка. Сильные весенние паводки уничтожили много гнёзд болотных птиц. Егеря собирали утиные яйца и раздавали их местным жителям для подсадки под домашнюю птицу. Дикие утята были поменьше и с тёмными полосками на спинке. Всего у мамы-утки их было восемнадцать, и, хотя двое заметно отличались от остальных, они были приняты за своих.

По писку было определено, что один селезень, а другая утка. Дело в том, что утёнок издаёт односложный звук, а уточка — двусложный.

Появился последний утёнок, и наутро мать-утка повела выводок к воде. Дом стоял на берегу заросшего камышом и осокой озера. Первыми шлепнулись в воду дикие утята, и мать сначала даже обеспокоенно крикнула. Примеру диких последовали и остальные малыши. Все утиное семейство направилось на кормёжку к водорослям.

Шло время. Целыми днями утиное семейство пропадало на воде, и только когда хозяйка звала: «Уть-уть-уть», утка-мама выводила всех на берег и семья некоторое время грелась на солнышке. Утята резвились неподалеку от мамыши, выскивая под ногами что-нибудь съедобное.

Несчастье обрушилось внезапно в один из солнечных дней. Из-за камышей появился болотный лунь. Среди утят начался переполох. Мама-утка плавала вокруг них, сильно хлопая крыльями по воде и отчаянно крикая. Брат побежал за ружьём в дом, но не успел. Хищник спикировал еще раз, утка самоотверженно бросилась на защиту утят, но схватка была короткая. Когда хищник взмыл вверх, унося утёнка в лапах, утка-мать осталась на воде без движения.

Так утята остались сиротами. Воспитание семьи взяла на себя дикая серая утка, братца которой утащил болотный лунь. Она сама водила утят на кормёжку, но далеко от берега не отплывала.

Наступила осень. Утята стали почти взрослыми. Серая утка уже поднималась на крыло и иногда одна улетала кормиться на дальние плёсы ближе к диким уткам. Семейство уже не было таким дружным. Но когда возвращалась серая утка, они собирались вместе и о чём-то оживлённо переговаривались.

В небе начали появляться стаи перелётных

птиц. Высоко пролетали клинья журавлей, то цепью, то кучкой пронеслись стайки диких уток с характерным свистом. Серая утка загрустила. Она часто посматривала на пролетающих, пытаясь взмыть вверх, и, помахав крыльями, оставалась на месте. Но однажды природа взяла верх...

Стайка серых дикарок села отдохнуть на краю большой заводи. Они хорошо были видны серой утке. Она взлетела и села возле диких. Отдохнув, стайка, как по команде, поднялась и взяла курс на юг. В эту ночь серая утка не ночевала дома вместе с домашними птицами, не вернулась она и на следующий день...

Прошла зима со снежными метелями и пронизывающими ветрами. В один из мартовских дней на воду возле птичника опустилась парочка. Утка поплыла к берегу, за ней селезень. На берегу утка заковыляла к птичнику. Красавец селезень остался у воды, настороженно поглядывая по сторонам. Когда из птичника раздался призывный голос серой утки (а это была она), селезень уверенно двинулся на зов своей подружки.

вырастать пёрышки. Оказывается, это был не пух, а мелкие-мелкие перья. Общая окраска их стала буровато-серой, а по ней разбросаны рыжеватые пятна, будто веснушки. К низу туловища окраска заметно светлеет. На голове появились смешные «ушки» из жестких перьев. Настоящие подрастали совы.

Теперь они питались самостоятельно, и их не нужно было кормить из рук. Тут тоже была интересная особенность: совыята никогда не брали еду

клювом, а обязательно лапой. Прежде чем поднести пищу ко рту, совыенок подносил её к уголку рта, как бы обнюхивая, и только после этого съедал. И в самом деле, здесь, оказывается, имеются чувствительные щетинки, которые и определяют съедобность пищи.

Если еда оказывалась слишком близко, то совыенок плохо её видел, и тогда он делал несколько шагов назад, вертел головой, как бы прицеливаясь, а затем уверенно подходил и брал пищу.

ПОЛОСАТИК

Так мы назвали маленького зверька, которого нам принёс знакомый охотник. Это был бурундук. Бурундук таёжный житель, и хотя в неволе чувствует себя ничуть не хуже, чем в лесной чаще, срочно нужно было узнавать, как его содержать, чем кормить.

Бурундук был посажен в металлическую клетку с беличьим колесом. Внутри соорудили домик и рядом несколько перекладин из реек. Охотник посоветовал первое время не закрывать клетку.

Несколько суток прошли относительно спокойно, если не считать, что однажды мы нашли в постели склад продовольствия. Здесь были остатки печенья, два яблока и несколько кусочков сахара. Ел Полосатик почти всё, что и мы, но особенно любил фрукты, семечки, орехи, молоко. Первые дни зверька не было видно, но его присутствие ощущалось постоянно. Молоко и фрукты, положенные в клетку, исчезали, одна книга и две газеты превратились в труху.

Казалось, нет такого места, куда бы он не проник. Он побывал в письменном столе, обследовал хозяйственную сумку, проверил этажерку, исследовал шифоньер. И везде оставались недоеденные продукты.

Когда наконец зверёк был водворён в клетку и заперт, домашние облегченно вздохнули. Но Полосатик так начал метаться по клетке, что его пришлось опять выпустить. И оказалось, что все неприятности ещё впереди.

Однажды утром я не узнал свою квартиру. По ней будто пронёсся ураган. Цветы в горшках были выворочены с корнем, по полу разбросана изгрызанная бумага, в портьере зияла дыра. Сразу возникло желание сделать кому-нибудь из знакомых «ценный подарок» — подарить Полосатика. Почему-то он даже перестал казаться красивым, этот зверёк с его чересчур неуёмной энергией.

Но с окончательным выводом я не спешил. И не ошибся. Постепенно бурундук стал привыкать к клетке и уже сам в неё заходил. Его выпускали только вечером, когда все были дома.

И вот настало такое время, когда Полосатик стал брать пищу из рук. Его уже можно было погладить даже взять на руки. Обиды на его былые проделки улеглись. Опять он стал красавцем.

Полосатик часто бегал в колесе, забавляя своей «физзарядкой» и детей, и взрослых. По

утрам он насвистывал. Свист его был скорее похож на птичий. Какая-то грусть слышалась в нём. И мы с содроганием думали о том, что было бы с Полосатиком, если бы мы всё же отдали его в другие руки. В общем, Полосатик стал равноправным членом нашей семьи.

Однажды, это было уже поздней осенью, наш Полосатик... умер. Тельце его стало твердым и холодным. Ошеломлённый, я понес его к соседу — ветеринарному врачу, чтобы хоть причину узнать. Врач внимательно осмотрел животное и с улыбкой сказал, что все опасения напрасны: Полосатик просто впал в зимнюю спячку.

В таком оцепенении бурундук пробыл пять суток. На шестой день я заметил, что молоко, на всякий случай налитое в блюдечко с вечера, исчезло. Наш любимец проснулся и больше в спячку не впадал...

К нам часто приходят друзья, любят Полосатиком и не без зависти слушают ваш рассказ о том, что когда-то мы хотели подарить кому-нибудь из них этого чудесного зверька.

ГАЛКА-СЕРОШЕЙКА

День был ясный и на снег будто высыпали бисер: солнце искрилось в каждой снежинке, больно слепя глаза.

Неподалеку от дома росли две огромные старые орешины, и вспугнутые на скотном дворе грачи и галки всякий раз облепляли их ветки. Тёплые зимы часты у нас в Средней Азии, и эти птицы остаются зимовать.

При моём приближении стая поднялась, а одна галка комом скользнула на снег и осталась лежать, резко чернея на снегу. Я подошёл к ней.

ДОМ КРАСНОЙ УТКИ

Наступила весна. Вереницы птиц потянулись на север. Скорее в родные края, где росли и учились летать.

Из далёких средиземноморских стран прилетают к нам в Среднюю Азию красные утки-атайки. Еще во время перелёта они разделялись на пары. Одна пара облюбовала небольшое озеро, заросшее камышом, приземлилась на берегу. Большие птицы, почти с гуся, рыжей окраски с черными клювами и лапами, важно расхаживали вдоль берега, изучая местность.

Прошло несколько дней... Птицы освоились. Теперь можно было наблюдать, как селезень высоко взлетал и с высоты стремительно планировал с резким свистом крыльев навстречу своей подруге; они вместе взмывали ввысь и слышался в воздухе их громкий разговор. Настала пора подумать о гнезде для кладки яиц и вывода птенцов. Атайки не строят гнёзд, как многие их сородичи. Для гнездовья они выбирают укромное местечко, любое небольшое углубление: щель в скалах, заброшенную нору барсука или лисицы.

Гнездование атайки на старых кладбищах стало даже поводом для одной старинной восточной легенды. Будто бы из одного яйца утки выводится щенок-тазы, который необычайно быстр в беге и очень удачлив на охоте. Легенда, конечно, занятная, но её можно отнести к разряду охотничьих баек...

Ничего подходящего для гнезда поблизости не было, и утка заняла нору лисицы. Во время

высиживания внезапно вернулась хозяйка норы. Почуяла, что кто-то есть в её доме, сунула было морду в нору. Но тут что-то ужасное потянулось к лисе: с шипением извивалась шея, грозно сверкали глаза. Змея!.. Ну и нагнала утка на лису страха. Шерсть на лисе встала дыбом, и она, поджав хвост, бросилась наутёк, искать новое жилище. Нора стала утиным домом.

Целый месяц высиживала атайка утят. Селезень почти всё время охранял дом; если надвигалась опасность, он тревожным криком оповещал подругу, и они вместе кружили над норой, готовясь к защите.

Когда вылупились утята, мама-утка повела их к озеру. Дорога не близкая, трудновато утятам поспевать за мамашей, но, попискивая, ковыляют следом. Берег озера обрывист. Слетела утка в воду, а утята наверху толпятся и «хнычут». Зовёт их к себе мать, и вот отважно посыпались пушистые комочки с обрыва. Внизу отряхнулись — и шлёп в воду!..

Однажды появился болотный лунь, злейший враг утиного рода, но отец, поднявшись в воздух, храбро атаковал хищника, и пришлось тому убираться не солоно хлебавши.

Хотели люди на лодке поймать отплывшего в сторону птенца, чтобы окольцевать, но утка-мама схватила птенца, посадила себе на спину и стремительно уплыла в камыши...

Пройдет лето, и красные утки улетят на зимовку в тёплые страны, чтобы весной опять вернуться в родные края.

СОКОЛ ЯШКА

Раненого сокола мне принес знакомый охотник. Коричнево-рыжий с сильно загнутым клювом, он напоминал беркута, только в сильно уменьшенном виде. Мелкий пернатый хищник сокол-пустельга — очень полезная птица, так как уничтожает вредителей сельского хозяйства.

Несмотря на сопротивление я промыл ранку на крыле и засыпал её стрептоцидом. А затем посадил сокола на шнур, натянутый для него в уголке на кухне сантиметрах в десяти от пола.

Дали ему кличку Яшка. Первые два дня он ничего не ел, а только открывал рот и шипел при моем приближении. На третий день Яшка, видимо, решил, что голодовка до хорошего не доведёт, и осторожно взял кусочек сырого мяса, протянутого ему на пальце. С этого времени голодовка была прекращена. К нашему удивлению, воду он не пил совсем.

Яшка оказался умницей и прекрасно поддавался выучке. Уже через несколько дней по команде «иди сюда» он запрыгивал на шнур, как заправский канатоходец, и ждал, когда его будут кормить. На балконе я приспособил для него шест, и он целыми днями сидел на нём. Когда я звал его обедать, он спрыгивал с шеста и важно

шёл за мной на кухню к своему шнуру. А проголодавшись, и без команды запрыгивал на шнур, давая понять, что пора обедать.

Когда дети его дразнили, он кусался, пускал в ход лапы и угрожающе шипел: ха-а, ха-а. Я, конечно, запрещал дразнить птицу, а играть разрешал. Яшке даже нравилось, когда ему гладили брюшко и головку.

Он был очень любопытным. Сидя на балконе, внимательно следил за всем происходящим вокруг. Если на соседнем балконе слышался шум, сокол немедленно направлялся туда по карнизу. После команды «Яшка, на место!» он возвращался, но с явной неохотой.

Однажды на балкон залетел воробей, не заметив страшного врага. Яшка, словно молния, набросился на свою жертву. Через мгновение воробышек слабо трепыхался в сильных Яшкиных лапах. Я попытался отнять у него добычу, но не тут-то было: хищник есть хищник...

На ночь Яшка отправлялся на кухню. Здесь он почему-то облюбовал стеклянную литровую банку, где и просиживал всю ночь.

Сейчас Яшка уже хорошо летает, но на ночь обязательно возвращается дремать на свою стеклянную банку.

КЕКЛИК

Часто на окраинах Ташкента и особенно в окрестных кишлаках можно услышать, наряду с перепелиным «спать-пора», и пение кеклика «ке-ке-ке». Это и понятно, ведь недалеко предгорья, где и обитает эта куропатка.

В одну из поездок к старому знакомому охотнику Урумбаю он подарил мне кеклика и рассказал, как его содержать. Птица оказалась у него не случайно. Минувшая зима была непривычно суровой и снежной, и много птиц в горах погибло. Стаи уцелевших после первых морозов куропатов переселились вниз, поближе к человеческому жилью, и люди подкармливали их. Этот же кеклик совсем ослабел, и Урумбай принялся его выхаживать.

Я не стал держать птицу в клетке. Постелил прямо на пол большой лист бумаги, сделал кормушку, поставил баночку с водой и насыпал мелких камушков и песка.

Первые дни кеклик был привязан за лапу, а затем я отвязал шнурок. И к моему великому удивлению, кеклик за край бумаги вовсе не стал уходить, так и находился все время на этой «территории».

Через неделю кеклик уже звал свою кличку, и если я звал его: «Гуля, Гуля», подходил к краю листа и вытягивал шею в мою сторону. Питался

он крупами, хлебом и вареным картофелем, а особенно любил стебельки проросшего лука.

В это время у меня жили собачка Каштан и кошка Мушка. Сначала я побаивался, что они могут напасть на кеклика, но это опасение скоро рассеял он сам. Первая же попытка нарушить «запретную зону», закончилась для непрошенных гостей плачевно. Несколько ударов сильным клювом в любопытный нос — и Каштан с визгом отскочил; больше он не изъявлял желания ближе познакомиться с кекликом. Мушка же ещё несколько раз пыталась подобраться к Гуле. Кеклик, однако, был начеку: он слегка опускал крылья и, вытягивая шею, внимательно наблюдал за действиями Мушки. Едва кошка подходила достаточно близко к листу, как следовал мгновенный бросок, и Мушка потом долго трясла головой с жалобным завыванием и фырканьем. Если кеклик оказывался после броска на голом полу, он немедленно пятился назад, на свою бумагу.

Однажды на рассвете мы были разбужены звонким пением кеклика. Я осторожно наблюдал за ним. Оказалось, что на его подстилку упал луч солнца и он, вытянув шею, звонко заливался своим чуть гортанным «ке-ке-ке». Это была

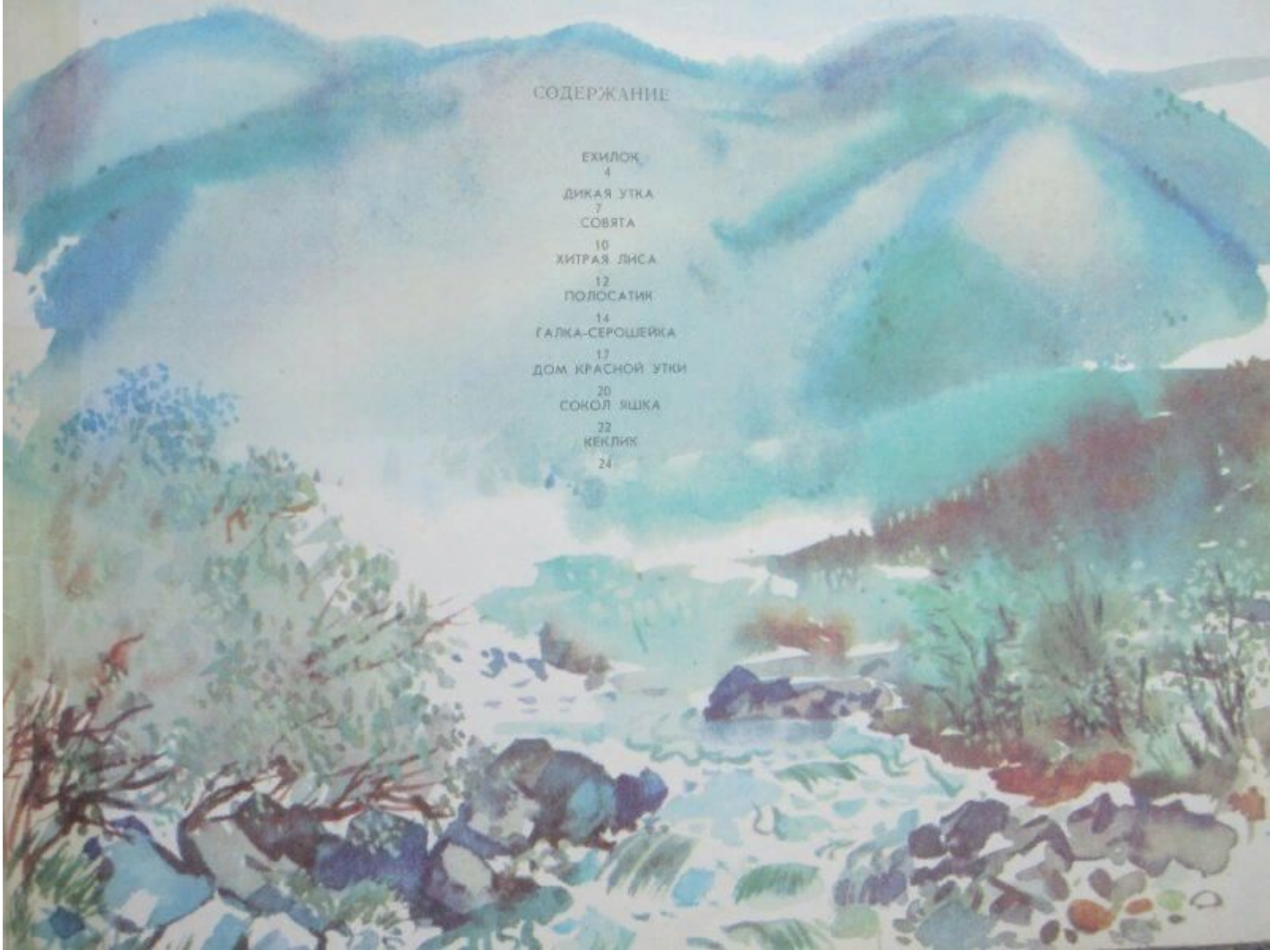

большая радость в доме: значит, кеклик окреп и вполне здоров.

Он прожил у нас до наступления теплых дней. Когда зазеленела трава, а в горах начал таять снег, я опять поехал к Урумбаю, чтобы там выпустить нашего Гулю на волю у родного ущелья. Когда я достал его из корзины и опустил на землю, он сначала не убежал, видимо опьянев от счастья, а затем быстро юркнул между камней, направляясь прямо к вершине горы. Мы с Урумбаем ещё несколько раз видели его мелькавшим между камней на своих крепких лапках, а затем он пропал из виду.

На следующее утро я уезжал в город. В долине был еще полумрак, и лишь снежные вершины гор слабо розовели под первыми лучами весеннего солнца. Когда я садился в машину, с той стороны, куда убежал кеклик, услышал звонкое «Ке-ке-ке»!

Я помахал рукой и подумал: «Может, это наш Гуля поёт людям свою благодарную песню».

A watercolor illustration of a mountainous landscape. In the background, there are rolling hills and mountains in shades of blue, green, and purple. A stream flows through the center of the scene, surrounded by dense, colorful vegetation in various shades of green, blue, and brown. The overall style is soft and painterly.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕХИЛОК

4

ДИКАЯ УТКА

7

СОВЯТА

10

ХИТРАЯ ЛИСА

12

ПОЛОСАТИК

14

ГАЛКА-СЕРОШЕРЖКА

17

ДОМ КРАСНОЙ УТКИ

20

СОКОЛ ЯШКА

22

КЕКЛИК

24

АНТОШНИИ
Виталий Михайлович
СОКОЛ ЯШКА
Рассказы

Редактор В. Новопрудский
Художник Б. Чеченни
Худож. редактор А. Гулямов

Техн. редактор Г. Ахмеджанова
Корректор Э. Наджатова
ИБ 666

Сдано в набор 28.05. 80 г. Подписано в печать 22.08. 80 г.
Печ л 3,0. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 3,974. Формат 60x90¹/₂
Бумага офсетная, гарнитура «Литературная», офсетная печать.
Тираж 200000. Цена 30 коп. Заказ № 3498. Договор № 92-79.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана. «Еш гвардия». 700129,
Ташкент, ул. Навои 30.
Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства
ЦК КП Узбекистана, Ташкент, ул. «Правды Востока», 26.

А 70801-80
356(04)-80 115-80 4900300000